

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ им. М. Танка

Редколлегия: А. М. Бордович, Г. А. Гвоздович, А. А. Гируцкий
(отв. редактор), И. П. Кудреватых, Л. В. Чернышова

Материалы конференции посвящены теоретическим аспектам соотношения слова, языка и действительности, историческим особенностям развития и функционирования восточно-славянских языков, структурным свойствам языка, специфике соотношения языка и культуры, личному имени как особому типу слова.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А. А. Гируцкий (Минск)

ИМЯ АБСОЛЮТА КАК ОСНОВА БЫТИЯ

С древнейших времен и до наших дней человеческий ум будоражит мысль: что лежит в основе мироздания и откуда его исток. На заре развития цивилизации утверждалось, что в основе зарождения мира лежит духовное начало, которое именовалось по-разному: Бог, Логос, Слово и др. В традиции многих религий Слово существует до появления человека, непосредственно управляет инертной материей, находящейся в хаотическом состоянии, и упорядочивает ее формы, создавая в конечном итоге человека. В египетском Мемфисском богословском трактате за много веков до христианства проводилась мысль о Логосе — Слове, созидающем мир. В Священных книгах Тот (Тот — египетский бог мудрости и письма) утверждается: "Мысль есть Бог отец, Слово — его Сын; они неразрывны и связаны в вечности, и их единение есть жизнь. Мысль и Слово создают действительное всемогущество".

Идея Слова как творящего начала сформулирована и в библейской традиции. В евангелии от Иоанна находим: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог".

Но в христианском учении Слово (Логос) рассматривается уже не только как самостоятельная сущность, а как Слово живого Бога, Бога-спасителя.

Аналогичная космологическая идея встречается у многих народов мира. Хотя имена богов, детали возникновения Вселенной и отличаются, но сами космологические идеи оказываются очень близкими. Это не может не наводить на мысль о едином или родственном источнике их происхождения.

Такой подход к бытию имеет мощную философскую традицию. Назовем здесь только таких титанов философской мысли, как Платон, Г. Гегель, Ф. Шеллинг.

Уже у древних мыслителей было твердое убеждение, что мир создан Творцом по законам гармонии и красоты. В основе самой гармонии, по убеждению древнегреческих философов, должен лежать некий основополагающий принцип, первоэссенция, которая объединяет многое в единое.

Значение глагола *εγαλλεσθαι*, в которое входит сема 'украшать', представляется более конкретным. Можно предположить, что именование эмоции, связанное с ее конкретным проявлением, в любом случае обнаруживало стремление занять вторую позицию в ряду однородных членов, только переводчик Супрасльского сборника переводил его как *весел-*, а переводчик Синайской псалтыри как *рад-*.

Для подтверждения данных, полученных на поверхностном уровне текста, можно использовать этимологию. На то, что именно лексемы с корнем *весел-* предназначены не столько для именовании эмоции, сколько для обозначения ее конкретного проявления, указывает объяснение их через и./е. **ues-* 'жить, пребывать; нежиться, покушать, попировать', также санскр. *vas* 'есть', готтск. *wisan* 'пировать, наслаждаться', ирландск. *gofotar* 'они ели', кимрийск. *gwest* 'пир' (Преображенский А. Этимологический словарь русского языка).

Этимология также позволяет находить связи, установившиеся между различными смысловыми группами текста. Так, для лексемы *радость* устанавливается этимология, сближающая ее с глаголом *родити* (Топоров В. Н. Об одной латышско-славянской конструкции с участием **RAD* // Балто-славянские исследования. 1983). Подобное глубинное сближение получает подтверждение на поверхностном уровне: в проповеди Кирилла Туровского встречается следующая цитата из Евангелия от Луки (Лк. 1, 28) — *радѹна, обрадованага, съ тобою господь*. Это слова архангела Гавриила к Богородице, именно они сообщают о предстоящем рождении Господа. У древнеболгарского проповедника Климента Охридского также можно найти фрагмент, показывающий, как радость сопровождает рождение — *о сен бо радоуотъ сѧ пророци, чающе отъ неѧ родити сѧ господу нашему Исꙋсъ христу*.

Как видно, связи различных смысловых групп проявляются также в их пространственной близости средств их выражения на поверхностном уровне текста. В следующем фрагменте проповеди об Иосифе Аримафийском Кирилл Туровский пишет — *самого бога примѣ отъ креста въ своємъ гробѣ радѹяся положиѣ испи*. Здесь радость очевидно связывается со смертью, смысл которой выражается при помощи сочетания лексем *примѣ отъ креста и въ своємъ гробѣ положиѣ испи*. Связи радости и смерти и объединение их в рождении Господа подтверждается в следующей цитате из Супрасльского сборника — *радѹ сѧ погжжѣшиа въ чрѣвѣ сьмръть матернѧ*.

Радость и смерть как начало новой жизни, связываются также у Кирилла Туровского при повествовании о царствии небесном — *да примѣтѣ мя праведнищи съ веселнемъ въ вѣчнꙋю жизнь, въ невечерни свѣтъ, въ неизречениꙋ радость* — образуя тем самым тесный смысловой ступок, объединяя и связывая текст.

Таким образом, совокупное пространство текстов Кирилла Туровского можно представить разделенным между различными смысловыми группами, которые взаимодействуют между собой, обогащая друг друга. При этом текст интегрируется в единый знак — носитель сложного смысла, не выводимого из значения отдельных языковых знаков-лексем.

И. П. Кудреватых (Минск)

РИТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПАМЯТНИКОВ XI—XIV ВЕКОВ (СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

Разъяснять, побуждать, доставлять удовольствие слушателям — такие задачи ставили перед ораторами античные и средневековые риторики. Платон и Аристотель отождествляли оратора с мудрецом, врачом, учителем просвещения. Влияя на огромные массы людей, ритор формирует мнение, о котором Паскаль говорил, что оно правит миром.

Красноречие Древней Руси, сложившееся как религиозно-нравственное, переняло высокие традиции ораторского искусства классической античности. Признаки риторического стиля впервые появились на Руси в XI веке. Известными литературными памятниками ораторского жанра являются "Изборник" 1076 года, "Слово о Законе и Благодати" Илариона, "Поучения" Феодосия Печерского, "слова и поучения" Сергия Радонежского, "торжественные слова" Кирилла Туровского, "поучения против язычества" и другие. Ораторскую прозу Киевской Руси можно разделить на два стиля: красноречие дидактическое, или учительское, и красноречие панегирическое, или торжественное. Выразительность языка (широкое употребление метафор, эпитетов, ярких сравнений, риторических фигур — вопросительных и восклицательных конструкций, бессоюзия и многосоюзия и др.), стилизовое разнообразие свидетельствуют о той роли, которую играло красноречие в воспитании высоких нравственных качеств, в формировании идеалов гражданского служения.

Слово, проповедь — жанр, главная функция которого — воздействие на общественное мнение. Этим и определяются его стилистические и синтаксические особенности. Обращает внимание прежде всего обилие слож-

ных конструкций с разнообразными видами синтаксических отношений. В литературном языке XI—XIV веков были развиты различные средства подчинения (управления) и сочинения, бессоюзное присоединение. Подчинение осуществлялось при помощи специальных подчинительных союзов и союзных слов, в основном местоименного происхождения. Наибольшей частотностью отличался союз *яко*, выступающий в древнерусском языке в самых разнообразных значениях, например: “Благословень господь богъ израилевъ, богъ христианскъ, *яко* посети и сътвори избавление людемъ своимъ, *яко* не презре до конца твари своеа идольскимъ мракомъ одержиме быти и бесовскимъ служеваниемъ гыбнути” (Иларий. Слово о Законе и Благодати); “И вспеть, глаголя: възрадуюся азъ о словесехъ твоихъ, *яко* обретаю користь многу” (Слово о чтении книг). В первом примере союз *яко* (в значении *что*) устанавливает причинные отношения между частями сложного предложения, во втором примере — сравнительные отношения (в значении *будто, словно*). Кроме того, союзное слово *яко* могло присоединять к главному предложению прямую речь, например: “...глаголя: *яко* обретохъ недостоинъ сы такъ даръ, *еже* ми ся поучати словесемъ твоимъ днь и ношь” (Слово о чтении книг).

Показателем высокого книжного стиля в древнерусском языке выступали конструкции с союзными словами *иже, лже, еже* (в предыдущем примере *еже*), восходящие к указательным местоимениям, которые употреблялись в произведениях религиозно-церковной тематики с целью создания торжественности, приподнятости речи, а также союз *бо*, выполняющий функцию уточнения обстоятельств, аргументов: “И вспеть, глаголя: възрадуюся азъ о словесехъ твоихъ, *яко* обретаю користь многу, *бо* нарече словеса божия” (Изборник 1076 года); “Будете смиренни и кротци, да и послужници будете и творци божимъ заповедемъ, въ сердцахъ *бо* сердца днаволь седити и божие слово не хоцеть прилнати къ нему” (Лука Жидята. Поучение к братии). “Поучения” Феодосия Печерского изобилуют старославянским по происхождению союзом *аще*, который, как правило, начинает предложение: “*Аще* хвалитъ хто чюжу веру, то обретається свою веру хуля. *Аще* ли начнетъ непрестанно хвалити чюжую веру, то обретається таковыи двоверецъ, близъ есть ереси” (Слово о вере христианской и о латинской); “*Аще* бо умолчю вашего ради роптания, угождаа вамъ ваше ради слабости, то камение възъпиетъ” (Поучение о терпении и о милостыне).

В древнерусском языке, как отмечал Т. П. Ломтев, “предложения, объединенные связью однородного следования, могли быть разнородными по

отношению к категории времени, модальности и лица” (1, 486). Что касается памятников красноречия, они характеризуются большей стройностью в организации предложений, т. е. избирательностью в отношении связующих средств, модальной и временной соотнесенностью частей сложного предложения, четким употреблением коррелятов и, конечно, художественной выразительностью, — что диктовалось условиями жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., МГУ, 1956.

Т. А. Гераскина (Брест)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В СЛОВАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Феофан Прокопович — виднейший общественный и политический деятель первой трети XVIII в., ближайший помощник Петра I, сторонник его преобразований, философ, историк, богослов, публицист, блестящий оратор, талантливый писатель, педагог. Его считают первым преобразователем русского языка (Ф. Г. Карин. Письмо о преобразителях русского языка, 1778). Язык его произведений петербургского периода лишен той архаичности, которая была присуща сочинениям киевского периода. Его Слова и речи тесно связаны с современностью, они произносились перед слушателями и выполняли коммуникативную функцию. Живость и ясность изложения достигались введением элементов русской разговорной речи, что способствовало снижению и разрушению старого книжно-славянского языка. Немалая роль в этом процессе принадлежит глагольным формам.

Анализировались “русские” сочинения Ф. Прокоповича: “Слово похвальное о баталии Полтавской” (1717) и “Слово на погребение Петра Великого” (1725). При сравнении с произведениями киевского периода становится заметным изменение статуса глаголов прошедшего времени. В 20—30-е годы основной формой выражения этого времени у него становится бессвязочный перфект, а количество аористов и имперфектов, весьма распространенных в раннем периоде его творчества, значительно сокращается. Так, в “Слове похвальном” отмечено 38 аористов и имперфектов, 131 перфект без связки, в “Слове на погребение” — 2 аориста, 45 перфектов. Простое прошедшее время употребляется автором при восхвалении победы, в рассуждениях о высоких материях: “И кто уже не видит, что вкаторизация сия и *отроди*, и *укрепи*, и в совершенный возраст *приведе* благополуч-

Т. А. Лапунина (Минск). О ВЛИЯНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДКАТА НА ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ ВНЕЯЗЫКОВОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ	63
А. Э. Черенда (Минск). ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО И СИНТАКСИЧЕСКОГО ПЛАНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТИПА "THE BOOK SELLS WELL" В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ	64

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА И ЯЗЫКА	67
А. Ф. Роголев (Гомель). К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО <i>ДЕВЯНОСТО</i>	67
В. С. Сидорен (Мозырь). ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ОДНОСЛОВНЫХ И НЕОДНОСЛОВНЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ В СВЕТЕ ИЗЫСКАНИЙ	69
А. А. Потебни	69
Л. В. Чернышева (Минск). ИСТОРИЯ ПОЛОНИЗМОВ <i>ТРАФИТЬ/ТРАПЦЬ</i> В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ	70
С. А. Королевич (Брест). ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В ЛЕТОПИСНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ	72
Т. Г. Трофимович (Минск). К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СТАРОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	74
А. А. Кожина (Минск). О СЕМИОТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО	76
И. П. Кудреватых (Минск). РИТОРИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ПАМЯТНИКОВ XI—XIV ВЕКОВ (СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)	79
Т. А. Гераскина (Брест). ОБ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В СЛОВАХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА	81
И. А. Капулкина (Днепропетровск). НЕМЕЦКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" КАК ИСТОЧНИКИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	83
Н. И. Клыпа (Нежин). ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА НАИМЕНОВАНИЙ МЕЛЬНИЧНЫХ СТРОЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА	84
Т. М. Казаченка (Мазырь). ЛЕКСИКА БЫТАВОЙ И ГАСПАДАРЧАЙ СФЕР У ЮРИДИЧНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ ПЕРШАЙ ПАЛАВІНЫ XVI СТ.	86
С. Г. Жураулёва (Мазырь). ПРАСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА У "ТРАЯНСКАЯ ІСТОРЫЯ"	88
Н. В. Паляшчук (Минск). АСАБЛІВАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ ЮРЫДЫЧНАЙ ЛЕКСІКІ У "ТРЫБУНАЛІЕ"	90
Н. В. Жданович (Минск). ИСТОКИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	92
Л. А. Прохорчик (Минск). ПРОСТОРЧІЕ КАК ІСТОРЫЧЕСКАЯ КАТЕГОРІЯ РУССКОГО ЛІТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	94

СЕКЦИЯ 3 (ПОДСЕКЦИЯ 1). СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ О СТРУКТУРНЫХ СВОЙСТВАХ СЛОВА И ЯЗЫКА	98
Н. Л. М. Акуленко (Калуга). РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ИЗОМОРФИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ	98
А. В. Никитевич (Гродно). ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ И ОДНОВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ	100
А. И. Лашкевич (Минск). СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОЛИЧЕСТВА	101
М. М. Козловская (Минск). ПРОЦЕССЫ РАСШИРЕНИЯ И СУЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ КАК СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ	103
А. А. Посохин (Брест). ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И ЛЕКСЕМООБРАЗОВАНИЯ	105
Р. В. Козак (Каменец-Подольский). СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕВОЗМОЖНОСТИ	107
В. В. Тиколювич (Минск). МНОГОЗНАЧНОСТЬ И СИНОНИМИЯ	109
Л. Н. Боженко (Мозырь). О СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ КАЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА)	111
Е. Н. Горелая (Витебск). ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ	113
Міраслава Малыха (Кельце). ДЕРЕВО В МИРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ: ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ <i>ОЛЬХОВЫЙ</i>	115

Л. А. Зинкевич (Минск). К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'СУБЪЕКТНОГО МОДУСА'	117
Л. И. Касович (Минск). К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ УРОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-м КЛАССЕ	119

СЕКЦИЯ 3 (ПОДСЕКЦИЯ 2). СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ О СТРУКТУРНЫХ СВОЙСТВАХ СЛОВА И ЯЗЫКА	122
Г. А. Гваздович (Минск). БЕЛАРУСКАЯ ЛІНГВІСТЫЧНАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ НА СТАРОНКАХ "БЕЛАРУСКАЯ ГРАМАТЫКІ ДЛЯ ШКОЛ" Б. ТАРАШКЕВІЧА	122
А. М. Архангельска (Ривне). УКРАЇНСЬКА ФРАЗЕОЛОГІЯ У НАЦІОНАЛЬНОМУ ВІДРОДЖЕННІ	124
І. І. Савіцкая (Мінск). УНАРМАВАННЕ БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРНАЯ МОВЫ У 20-Я ГАДЫ (НА АСНОВЕ ПУБЛІЦЫСТЫКІ М. ГАРЭЦКАГА)	126
Л. М. Вардомашкий (Витебск). ТЕРМИН В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	128
Н. Я. Савіцкая (Мінск). ШЛЯХІ СТАНАўЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЯ ХІМІЧНАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ	130
Ю. Б. Дарафеева (Минск). СПОСАБЫ ТЭРМІНАЛАГІАЦЫ ЛІНГВІСТЫЧНЫХ ПАНЫЦІАУ У БЕЛАРУСКІМ МОВАНАУСЛІ	132
С. Вінаградца (Гомель). УСТОЙЛІВАСЦЬ МОЎНІХ ЗВУНІАУ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЛЕКСІКІ НАРОДНАЯ МУЗЫКІ)	133
І. У. Калішчэна (Мінск). СТРУКТУРА ПАТЭРНАГА СЛОВА І АНТАНІМІЯ	134
З. И. Бадевіч (Мінск). ПРЫЛАГАТЕЛЬНЫЕ С ПРЕФИКСАМИ <i>ПРОЦІ-СУПРАЦЬ-В</i> СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ	137
В. П. Трайкаўская (Мінск). НА "АКОНІ" СВЕТ ВЯСКОУЦАУ І ТЭМАТЫЧНАЕ ЧЛЕНЕННЕ ДЫАЛЕКТАЙ ЛЕКСІКІ	139
М. П. Сідаровіч (Мінск). ТЫПЫ ДЭСІКЕТЫЗМАУ У СЛУЦКІХ ГАВОРКАХ	140

СЕКЦИЯ 4. ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК СОБЫТИЙНЫЙ ТИП СЛОВА	143
О. И. Литвинников (Каменец-Подольский). КЛЮЧЕВЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ	143
Ю. А. Гурская (Минск). СИНТАГМАТИКА ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	144
А. С. Бела (Нежин). ЛІНГВІСТЫЧЕСКІЕ І КУЛЬТУРОЛОГІЧЕСКІЕ АСПЕКТЫ НОМІНАЦЫІ ПЕРСАНАЖЕЙ І ПОВЕСТАХ Н. В. ГОГОЛЯ	146
П. Е. Ахраменко (Мозырь). ФУНКЦІОНІРОВАНИЕ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ СОБСТВЕННЫХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА	148
Л. В. Горна (Витебск). ІМЯ СОБСТВЕННОЕ В ОБОЗНАЧЕНИИ ПЕРСАНАЖА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	150
В. Л. Старышонка (Минск). МЕТАНІМІЧНЫЯ ПЕРААСЭНСАВАННІ УЛАСНЫХ ІМЕНАУ	151
Н. П. Лосань (Минск). КАНАТАЦЫЙНЫ АСПЕКТ СЕМАНТЫКІ УЛАСНАГА ІМЯ (НА МАТЕРЫЯЛЕ БЕЛАРУСКІХ МАСТАЦКІХ ТЭКСТАУ)	153
Г. Е. Басава (Минск). ТЭКСТАУТВАРАЮЧЫЯ ПАТЭРНЫ І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ УЛАСНЫХ ІМЕНАУ У МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ	155
Е. О. Салепіна (Вітэбск). ЗАПАДНАЯ ДВІНА (ДАУГАВА) В ОНОМАСТЫЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	157
Т. П. Бургай (Лепель). СОЧЕТАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ИНДИКАТОР ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ	159

СЕКЦИЯ 5 (ПОДСЕКЦИЯ 1). ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	162
С. В. Воробьева, А. С. Подовед (Минск). К ПРОБЛЕМЕ ИСКУССТВА ВЛАДЕНИЯ СЛОВОМ	162
А. П. Овчинникова, А. Ю. Цофанас (Одесса). ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ	163
Н. Н. Арват (Нежин). К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	164
Е. Г. Тарасевич (Минск). О СИСТЕМЕ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	165
С. Б. Кураш (Мозырь). О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ	167
А. М. Расолька (Минск). ПАЭТЫЧНАЕ СВЕТАУСПРЫМАННЕ У ДАМІНАНТНАЯ ЛЕКСІЦЫ ТЭКСТУ	169
В. М. Ляшук (Минск). ЛЕКСЕМА <i>ЗЯМЛЯ</i> У БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРНА-КУЛЬТУРНАЯ ТРАДЫЦЫЯ	171